

М. П. Мчедлов

Общие вопросы религиозной
идентичности. К постановке
проблемы, условия ее
объективного анализа

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

Раздел I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ, УСЛОВИЯ ЕЕ ОБЪЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Мчедлов М.П.

Глубокие трансформационные процессы в современной России нередко разворачиваются на фоне ухудшения в той или иной степени разных сторон социально-экономической и духовно-культурной жизни. Неутешительные результаты проведенных реформ, приведших к резкому имущественному расслоению, потере многих нравственных ориентиров и общественно-полезных критериев, к социальной обездоленности миллионов; распространению алкоголизма, наркомании, физически нездоровых людей, угрозы депопуляции, особенно опасные для России с ее огромными территориями; неясная будущность многих семей, да и всей страны, – эти и подобные им явления и тенденции порождают среди значительной части населения потребность задуматься о своем месте в происходящих процессах и своем отношении к ним, потребность самоопределиться, порождает необходимость идентификации на различных уровнях – личностной, социально-групповой, этнической, конфессиональной, международной. Стремясь понять истоки и причины, закономерность или случайность этих болезненных для личности, определенных социальных групп, этнических общностей явлений, люди обращаются не только к поискам «виновников», как правило, персонифицированных, своих бед, но и ощущают потребность в уяснении своих исторических корней, родовых и этнических качеств и особенностей, в определении таких своих реальных или мифических способностей, которые, как им представляется, в прошлом помогали

преодолевать различные крупные общественные потрясения и трудности. В этой связи все чаще обращаются к великой истории, могучей культуре России. Очевидно, что общественное сознание в ответах на вопросы: «кто мы», «какие мы», «какое у нас историческое наследие», «в чем наше сходство с другими, а в чем различие от них» и т. п., – ищет пути выхода и из данного тяжелого положения, пути мобилизации всего национального потенциала для достойного самоутверждения, для обеспечения благоприятных перспектив.¹

Разумеется, когда в поисках своей подлинной идентичности наблюдается обращение к отечественной истории и культуре, то это не может сводиться к стремлению буквально отождествлять прошлое и искомое настоящее. Несмотря ни на что, крот истории, как говорил Маркс, делает свое дело, и в старую Святую Русь уже не вернуться. О тщетности подобных подходов предупреждал еще древний ионийский философ Гераклит – «в одну и ту же реку ты не вступишь дважды». К тому же в наше время появились новые обстоятельства. Мировые процессы глобализации привнесли – наряду с культурно - религиозными противоречиями – ряд сходных черт и факторов в жизнь каждой личности, семьи, этнической общности безотносительно от места их обитания. В западных развитых странах этому способствует и интенсивные миграционные процессы приводящие к невиданному ранее этническое смешению населения, «росту кочевников» (Ж. Аттали), изменяющие их этносоциальную структуру. Показательные сдвиги наблюдаются среди работоспособного населения принимающих стран: примерно каждый пятый рабочий в Германии является турком, во Франции – арабом, в США – мексиканцем.² В результате ослабевают идентичности западных государств, да и в странах «исхода» наблюдаются значительные изменения. В них безвозвратно размываются

¹ Об особой актуальности проблемы цивилизационной идентичности России и русских свидетельствует та популярность, которой пользуется цикл художественно-публицистических телепередач журналиста и историка Феликса Разумовского «Кто мы» на телеканале «Культура».

Причем особенно удачными представляются, на наш взгляд, этнополитические циклы, связанные с конфликтом этнорелигиозных и культурных идентичностей в истории России: «Спор на западном рубеже» (о русско-польских отношениях), «Еврейский вопрос – русский ответ», (о русско-еврейский отношениях), «Жили – были славяне» (о русско – украинских отношениях).

² См.: Свободная мысль- XXI, 2005, № 8, С. 46.

многие традиционные племенные и этнические качества и характеристики, с той или иной последовательностью утверждаются некоторые новые (западные) демократические принципы. Однако когда и в этих новых условиях люди чувствуют себя обделенными, ущербными, то возникает потребность (даже не отвергая все новое, особенно уже вошедшее в быт, образ жизни данной общности) возродить или, точнее, определить свое в общем космополитическом, глобалистском процессе.

Наряду с обострением среди значительной части населения России чувства принадлежности к родной стране, своей этнической общности, родному народу (что собственно и определяет этническую идентичность, равно как и представление, осознание себя частью любой иной – религиозной, социальной, гражданской, региональной и др. – общности является основанием соответствующих идентичностей, которые вместе формируют их многоуровневую систему), увеличивается и востребованность в более четких представлениях о своем личном месте и позиции во вновь возникших ситуациях и отношениях в разных сферах жизни – от межличностных, нравственных до социально-политических, международных. Особо укажем, что подобные процессы порою приводят и к самозамыканию в разных -этнически и религиозно – общностях, которые противопоставляются другим общностям, чем пользуются и соответствующие фундаменталистские и экстремистские круги.

При характеристике идентификационных процессов многие обществоведы обычно обращаются к социально-экономическим и политическим предпочтениям и ориентациям различных слоев населения. При всей важности этих компонентов общественного сознания в иерархии идентичностей, все же следует признать, что они в значительной мере ситуативны, преходящи, довольно часто изменяются в зависимости от политической, экономической, военной, международной и др. конъюнктур. Подобные перемены легко фиксируются при проведении сколько-нибудь длительного мониторинга во взглядах, симпатиях, антипатиях, поведении,

ожиданиях различных общественных групп, отдельного человека.

Вместе с тем, есть базовые ценности, долговременные факторы, которые на протяжении длительного исторического времени неизменны, они свойственны многим поколениям данной общности, выступая не только важнейшими, но и стабильными показателями их идентификации. Таковой является, к примеру, принадлежность к определенному этносу, которая при любой общественной системе и политическом режиме постоянна для абсолютнейшего большинства людей. Русский человек остается русским при капитализме, социализме, любой иной общественно-экономической системе, в том числе на разных стадиях переходного периода. Столь же неизменны на протяжении длительного исторического времени основные этнические характеристики немца, отличая его, скажем, от француза, даже при совместном пребывании в структурах объединенной Европы. Хотя трактовки тех или иных характеристик каждого этноса, разумеется, подвержены изменениям в зависимости от исторических и социокультурных условий.

Аналогичная функция традиционной константы в иерархии идентичностей принадлежит и религии. Определенная ее разновидность, будучи признана большинством народа и утвердившись в его сознании, быте, во всей культуре в качестве «своей», затем уже чуть ли не автоматически, «с молоком матери» передается все новым и новым поколениям «соплеменников». Учитывая прочность подобного исторического выбора, массовость и долговременность исконных этнокультурных устоев, в научной литературе, да и в повседневной жизни принято относить тот или иной народ к определенной религиозной культуре – мусульманской, православной, буддистской и т. д. Разумеется, в действительности представители каждого народа обычно исповедуют разные религии или не исповедуют ни какой, но традиционно большинство народа считает себя приверженцем одной из религий, которая и является для него доминантной.

Особо подчеркнем, что в системе идентичностей ситуативные

(социальные, политические, международные) отличаются как от примордиальных (гендерных, расовых), так и от традиционных, долговременных (этнических, религиозных) идентичностей не только своей длительностью, но и механизмом формирования. В первом случае превалируют сознательные, рациональные факторы, во втором - естественные (неизменные пол, раса), в третьем – немалую роль играет сила исторической инерции; к осознанному выбору представителей данной этноконфессиональной общности добавляются подсознательные инстинктивные установки, приводящие в действие механизм воспроизводства этноконфессиональных традиций и предпочтений. В результате среди представителей каждой общности распространяются общие, подчас бессознательные стереотипы восприятия окружающей среды – социальной, этнической, природной, международной и т. д.

В тяжелые переломные периоды народных бедствий, краха привычных социально-политических идентификаций, долгое время насаждаемых всеми каналами официальной пропаганды, воцарением идеологической неразберихи и отсутствием мобилизационной общегосударственной идеи (например, распад советской державы в корне обесценил значение соответствующей идентичности – принадлежности к роду «нового советского человека») – резко возрастает роль традиционных этнокультурных – национальных и религиозных – идентичностей. Как показал недавний печальный опыт СССР, Югославии, а еще ранее Османской империи, Австро-Венгрии, Индии и др., люди расходятся именно по национальным и религиозным «квартирам», даже если они не особенно глубоко верующие или вовсе неверующие, воскрешаются исконные историко-культурные традиции, которые, кстати, и эксплуатируются в полной мере в своих интересах националистами и сепаратистами.

Показательно, что некоторые исследователи видят возможную угрозу ослабления и даже распада США – ныне единственной сверхдержавы – в проникновении и распространении в этой преимущественно англосакской

протестантской стране «чужеродной» этноконфессиональной общности (католиков мексиканцев). Так, подобные сюжеты достаточно подробно рассмотрены в книге Самюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности», в которой основной вызов США усматривается в «распространении испанского в качестве второго языка на территории США и испанизации части американского социума».³

Аналогичные тревожные прогнозы, уже глобального характера, дает американский политик и политолог Патрик Бьюкенен, автор книги «Смерть Запада», согласно которому к 2050 году в Европе и США будет абсолютно доминировать исламо-арабо-африканская культура, а людей европейского происхождения во всем мире останется не более 10%. В результате Европу и США в 21 веке ждет этнический крах.⁴

В России в последнее время также проведены ряд обстоятельных исследований, раскрывающих повышение роли этнических идентичностей.⁵ Однако, к сожалению, в отечественном общественном сознании остаются малоизученными степень и характер воздействия религиозного самоопределения на всю гамму иных идентичностей.⁶

Между тем эта проблема, как свидетельствует современная отечественная и зарубежная практика, приобретает особую злободневность. При этом вновь подтверждается давнишняя истина: каждая серьезная социальная или идеологическая проблема в разные времена проявляется все в новых формах. Реальная жизнь высвечивает новые грани и аспекты старых проблем, порождает новые конфликты и противоречия, носящие как объективный, так и субъективный характер. В полной мере это касается и рассматриваемых вопросов, связанных с религиозной идентичностью.

³ СР. Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004, С. 16.

⁴ См.: П. Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. М., 2003.

⁵ См., например, результаты представительных исследований под руководством Л.М. Дробижевой в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации в 90-х гг.». М., 1996; а также М.Н. Губогло. Идентификация идентичностей. Этносоциологические очерки. М., 2003, и др.

⁶ Этой теме, насколько нам известно, посвящены редкие публикации. Среди них «Религия и идентичность в России». Составитель и отв. ред. М.Т. Степанянц. М., «Восточная литература», 2003.

Подтверждают эту мысль многие социальные явления, процессы и проявления нетерпимости, носящие религиозный характер или, по крайней мере, религиозную окраску, привлекая серьезное внимание в последнее время. За рубежом это, безусловно, погромы в пригородах ряда городов Франции, Германии, других западноевропейских стран, имевшие место осенью 2005 г. В это же время конфликты, имевшие расовую и конфессиональную форму, состоялись даже в традиционно спокойной Австралии. Зимой 2006 г. значительные общественно-политические волнения, проходящие под зеленым знаменем ислама, получили свой старт публикацией в датской и других европейских печатных органах карикатур на пророка Мухаммада. В нашей стране также периодически наблюдаются вылазки противоправного и криминального характера (не только в Чечне и соседних с ней северокавказских республиках, но и в других российских регионах), прикрывающиеся идеями особым образом толкуемого ваххабизма, во многих случаях инспирируемых зарубежными антироссийскими силами. Различные проявления нетерпимости, экстремизма наблюдаются не только в исламской среде, но и в других религиозных организациях.

Подобные факты говорят и о важности правильного методологического подхода при исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни. Остановимся на одном аспекте проблемы – на взаимоотношении социальных и религиозно-культурных факторов, на диалектике их взаимодействия.

Выше подчеркивалось, что проблема этноконфессиональной идентичности приобретает особенную остроту во время социальных и национальных конфликтов и противоречий. В свою очередь, важнейшей причиной подобных конфликтогенных ситуаций в наши дни являются трудности социальной адаптации и интеграции в иной этноконфессиональной среде. Наглядный пример этому – упомянутые беспорядки (осень 2005 г.) в пригородах Парижа, других французских городов, где сказались многие факторы, начиная с массовой

неконтролируемой арабо-африканской иммиграции и связанными с ней социально-экономическими обстоятельствами.

Обитая в наименее благоустроенных предместьях городов (где сформировались этноконфессиональные анклав, в которых иммигранты составляют большинство населения), страдая от тягот безработицы, не получая должного образования, молодые иммигранты, объединенные чувством социальной обделенности, обращались к тем «нецивилизованным формам» протеста, которые были обусловлены их ущемленным психологическим состоянием и возбужденными общественно-политическими настроениями. При этом часто поводом выступали мнимые или реальные опасения ущемления именно их языковой, этнической, религиозной идентичностей. То, что для молодых погромщиков, не находящих в условиях социального гетто возможностей для социальной адаптации, главными были не сама по себе религиозная мотивация и не подстрекательная деятельность исламистов, подтверждает и такой факт: никто из них не внял фетве, принятой Союзом мусульманских организаций Франции, осуждающей насилие и призывающей к спокойствию.

Поэтому важнейшим фактором преодоления подобных противоречий и конфликтов является решение социально-экономических проблем, политические преобразования, признание легально находящихся в стране иммигрантов полноправными гражданами. Иначе говоря, осуществление реальной социальной адаптации и интеграции, обеспечивающей всех граждан страны разными правами социального, политического и юридического характера. Разумеется, это не должно сводиться к поощрению и культивированию иждивенческих настроений и ожиданий.

В данном случае мы абстрагируемся от более глубокого анализа такого сложного явления как современная массовая миграция из бедных стран в благополучные развитые страны. Здесь ведь сказываются многие и разнородные явления и процессы: и необходимость привлечения иностранной рабочей силы в следствии как демографического кризиса в

западных странах, так и отказа европейцев от выполнения ряда работ из соображений комфорта и престижа; и превышение притока иммигрантов от потребностей экономики; и восприятие иммигрантскими сообществами норм западной демократии как возможности диктовать им собственные условия пребывания в Европе; и распространение среди них идей так называемого «черного расизма»; и взаимопитающая противоправная деятельность европейских и арабо-африканских фундаменталистских и экстремистских течений, и многое другое.

По замыслу данного исследования нас в первую очередь интересуют анализ роли религиозной идентичности в упомянутых новых процессах, развертывающихся во вновь сформировавшихся путем массовой миграции мультикультурных обществах.

В этой связи обратим внимание на то обстоятельство, что в ходе упомянутых событий выявился и другой глубокий и трудно преодолимый кризис между менталитетами, духовно-культурными идентичностями, системами ценностей, образами жизни коренных граждан и переселенцами из исламских стран. Сегодня, благодаря противоречивым процессам глобализации и связанными с ними большими потоками миграции, миллионы и миллионы людей, как уже говорилось, перешагивают национальные границы и покидают родные места, чтобы попасть в страны с более высоким уровнем жизни. Здесь они встречаются с иными культурами, приверженцами иных религий. Многие из них, как справедливо подчеркивает А.А. Галкин - один из авторов содержательного сборника статей «Старые и новые лики национальной проблемы», - «не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население».⁷

В литературе, периодической печати обсуждается вопрос: имеет ли

⁷ Старые и новые лики национальной проблемы. / Отв. редактор А.А. Галкин. М.: Институт социологии РАН, 2005, С. 22.

религиозная идентичность иммигрантов (в данном случае исламская) отношение к тем противоправным действиям, которые наблюдались в западноевропейских странах. Конечно, имеет, но не в качестве первопричины, а как некоего идеологического обрамления, которое привычно и близко для вовлеченной в волнения исламской молодежи. В самом деле, не могли же толпы малообразованной молодежи руководствоваться диалектикой Гегеля (как некогда образованная часть революционной марксистской молодежи) или положениями экзистенциальной философии Ж.П. Сартра (как бунтующая левая европейская молодежь в середине XX века)? Они обращались к той доступной им форме идеологии, которая традиционно определяет этику их поведения, стереотипы общения, ценностные ориентации. Поэтому религиозные лозунги могли мобилизовывать и интегрировать протестные настроения мусульман, придавая им в ряде случаев характер соперничества ценностей, о чем свидетельствуют имевшие место нападения на церкви. Однако, используемые религиозные лозунги, легко манипулирующие толпой, вовсе не выражают сущности самой религии, а это – мутная пена, образовавшаяся на живом потоке миролюбивого по своей сущности ислама. Эта идея неизменно подчеркивается мусульманскими лидерами, в том числе отечественными (см., например, статью председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина «Ислам против терроризма»⁸).

В разгар французских событий некоторые СМИ, проводившие опросы экспертов, ставили вопрос: могут ли аналогичные действия произойти в России? Полагаю, что в настоящее время не могут, поскольку вокруг наших городов нет (или пока нет) компактно живущих на протяжении ряда поколений иммигрантов. Если бы, например, в пригородах Москвы – Малаховке или Мытищах – проживало в условиях социального гетто значительное число иммигрантов с отличной от коренного населения этноконфессиональной принадлежностью, то в таком случае подобные

⁸ Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Терроризм и религия. М.: Наука, 2005, С. 75-108.

конфликты более вероятны.⁹ При этом, однако, следует учитывать, что уже сейчас такие мини-гетто фактически появились в виде заброшенных общежитий, заселенных, например, вьетнамцами и китайцами. Высокие темпы роста иноэтничных «торговых диаспор» исподволь создают элементы взрывоопасной ситуации. Так, неконтролируемая миграция из постсоветских государств в традиционно казачьи регионы юга России создает обширную конфликтную зону (Ростовская, Волгоградская области, Краснодарский, Ставропольский края).

Что касается проблем Чечни, всего Северного Кавказа, то здесь среди причин сепаратистских и криминальных выступлений социально-экономический фактор занимает отнюдь не последнее место. Поэтому решение наиболее социальных и экономических вопросов и в данном случае приобретает решающее значение.

Итак, встает весьма актуальный вопрос: при массовой миграции, смешении разных этносов со своими культурными и религиозными традициями готова ли принимающая страна, не поступаясь своей идентичностью, учитывать культурно-религиозную идентичность иммигрантов? В свою очередь готовы ли иммигранты на тех же принципах налаживать взаимоприемлемый модус вивенди?

⁹ Здесь следовало бы избегать однозначности. Именно названные населенные пункты Подмосквья могут стать конфликтными зонами. В первом случае – Малаховка – можно наблюдать активные действия, имущей верхушки иноэтничных торговых диаспор (главным образом -азербайджанской), сросшейся с криминалитетом, по скупке земельных участков и недвижимости в престижной дачной местности в непосредственной близости от Москвы. Данный процесс связан с вытеснением (нередко - насильственным) коренных русских жителей, перекрытием доступа к традиционным местам отдыха (водоемы, лесные массивы), а главное – с превращением старых дачных поселений, известных своими культурными традициями и особой духовной атмосферы – в своего рода криминальные очаги с наркопритонами и борделями. Между тем, если говорить о Малаховке, то можно отметить, что здесь в знаменитом Летнем театре пел Ф.Шаляпин (несколько лет назад театр сгорел при неясных обстоятельствах и не восстанавливается, а на его земельный участок претендуют коммерсанты южного происхождения).

Уже в 60-е годы 20 века на одной из малаховских дач, в период хрущевской антирелигиозной кампании, скрывался подвижник Русской церкви старец Сампсон (Сиверс).

Что же касается Мытищ, то данный районный центр, как и многие другие населенные пункты по линии Московско-Ярославской железной дороги, все больше превращается в средоточие нелегальных и полунелегальных трудовых мигрантов из Таджикистана и Азербайджана. Численность таких иноэтничных маргиналов продолжает возрастать. В их среде также процветает наркоторговля и иные противоправные действия. Это еще один очаг межнациональных конфликтов.

Здесь можно отметить, что расхожее утверждение о вненациональности преступности далеко не всегда соответствует действительности. При складывании преступных сообществ этническая принадлежность может играть роль мощного организующего фактора.

Действительность свидетельствует о наличии серьезных проблем с обеих сторон. Недостаточное знание особенностей других религий и культур подчас приводит к печальным последствиям, к неспособности устанавливать взаимоприемлемые отношения вследствие непонимания сути дорогих для последователей иных культур нравственных ценностей, норм поведения, объектов поклонения. Это становится причиной глубоких обид, оскорблений и – особо подчеркнем – дополнительным предлогом для экстремистских и террористических сил. Наглядное тому свидетельство скандальные карикатуры на пророка Мухаммада, напечатанные в датской газете «Хьюлен постен» и вызвавшие протестные движения во многих мусульманских странах.

Для современной западной культуры публикация в газете карикатуры – ординарное явление (вспомним хотя бы известные карикатуры датского художника Х. Бидструпа или сатирические рисунки французского художника Жана Эффеля, создавшего целую юмористическую поэму из 5 тысяч рисунков на библейские сюжеты – «Сотворение мира»; последние многократно переиздавались в разных, в том числе во многих традиционно христианских странах). Для западноевропейской журналистики любое давление, предписывающее отказаться от подобных сатирических публикаций, – это покушение на его индивидуальные права, права личности, на святая святых – свободу слова. Именно поэтому в поддержку датской газеты выступил ряд других европейских газет, которые воспроизвели карикатурные изображения Мухаммада.

Но в том-то и дело, что, в свою очередь, святая святых мусульман обязывает к прямо противоположным действиям. И дело не только в том, что согласно мусульманской традиции нельзя воспроизводить изображение человека, тем более пророка. Главное тут в том, что карикатурное изображение пророка для них вовсе не безобидное сатирическое творчество, а прямое оскорбление их святыни – пророка, всех его последователей. Тут уже оказываются попранными права всей

мусульманской уммы, которые для мусульман имеют большее значение, чем собственные индивидуальные права.

В отличие от европейской традиции, которая рассматривает религиозные вопросы как область частной, личной жизни, на Востоке они касаются жизни всего мусульманского сообщества, составляя основу его солидарности.

Не зная подобных традиций, даже высококвалифицированный, по западным меркам, журналист предстает невежественным человеком, в образовании которого, как минимум, имеются большие пробелы по истории религий, по основам восточной (исламской) культуры. А ведь с их последователями западноевропейцам (да и не только им) надо вместе жить, сотрудничать, взаимодействовать...

Стало быть, как бы ни были уверены в безупречности своих цивилизованных демократических воззрений европейцы, им придется их пересматривать с тем, чтобы быть готовыми – в соответствии с принципами толерантности – учитывать привычки, ценности, воззрения, культуру, особенности идентичности тех миллионов мусульман, которые из-за нового великого переселения народов живут в европейских городах, а их родные страны, модернизируясь, все весомее, энергичнее проявляют себя на международной арене. Отныне единоличные в прошлом законодатели мод и хорошего тона на мировой арене – западные демократии, уже не могут выполнять эти функции, навязывая свои эталоны в качестве универсальных другим народам и странам. Тем более что у них в процессе модернизации раскрывается гигантское энергетика, твердое стремление к интеллектуальной и культурной свободе от Запада, где к тому же получают распространение такие «образцы» гедонистической культуры (гомосексуализм, наркомания, проституция), культивируемые «обществом потребления», которые для них неприемлемы.

Разумеется, осуждение невежества и высокомерия одних – карикатуристов - вовсе не есть оправдание ответных погромных действий,

включающих даже поджоги посольств и христианских церквей. Варварские методы восстановления попорченной чести и морали, «ответный» вандализм – заслуживают не меньшего осуждения. Альтернативой «карикатурной войне», другим опасным действиям на скользкой тропе, ведущей к пресловутому «конфликту цивилизаций», является умение жить в условиях полирелигиозного и мультикультурного мира на принципах взаимного уважения и сотрудничества. Позитивный опыт толерантного сосуществования различных народов в условиях поликонфессионального и многонационального государства имеется в России. Несмотря на все проблемы, подчас искусственно раздуваемые доморощенными и зарубежными доброхотами, опыт России в состоянии положительно повлиять на различные перипетии современного противостояния ревностных адептов ценностей западной и исламской цивилизаций.¹⁰

Каковы же могут быть наиболее приемлемые для демократического сознания, просто совестливых людей сценарии безболезненной встречи разных систем ценностей, культур, религий в условиях свободной и рациональной самоидентификации? Если в случае социально-экономического неравенства иммигрантов (как и жителей отечественных депрессивных регионов) несправедливость может быть преодолена, как уже говорилось, на путях социальной адаптации и интеграции, то простая, так сказать, механическая интеграция разных религий, культур, ценностей представляется бесперспективным явлением.

Между тем с такими попытками можно встретиться в том числе и на страницах российской печати. Некоторые духовные деятели, исходя из

¹⁰ Процесс глобализации ведет к уничтожению всех ранее существовавших идентичностей, основанных на совместном переживании общего прошлого и общей судьбы. Работник транснациональной корпорации наиболее эффективен тогда, когда максимально утрачивает культурное своеобразие и действует не по нормам собственной культуры, а по универсальным «технологическим» правилам.

Идентификация на основе общего исторического опыта заменяется идентификацией на основе общности опыта потребления. Например - калмык и негр, имея одинаковую возможность приобрести одни и те же товары, оказываются членами единого глобального сообщества потребителей. Культурно-историческое своеобразие здесь будет только мешать установлению содержательного диалога на почве общности потребления товаров и услуг. (См. Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации?//Общественные науки и современность, 2006, №1.С. 93, 100-101)

добрых намерений и стремясь «преодолеть» возможные противоречия между христианством и исламом, предлагают осуществить довольно радикальные теологические реконструкции, своеобразный синтез религий. Так, один из духовных руководителей мусульманской уммы России, в целях достижения единомыслия среди последователей монотеистических религий, ставит вопрос о признании (хотя бы в будущем) концепции трех Заветов – Ветхого Завета, Нового Завета и Третьего Завета (Корана), как и о признании христианами подлинности пророчества Мухаммада.¹¹

Подобные предложения, на наш взгляд, при всех добрых намерениях их авторов, упускают из виду, что и христианство, и ислам – цельные, самодостаточные системы, они привержены своим многовековым принципам и традициям, поэтому их простое смешение вряд ли возможно. Так, проблематично, чтобы христианские церкви согласились с тем, что их основополагающий догмат об искупительной жертве Иисуса Христа оказывается недостаточным и нуждается в дополнительном содействии.

Разумеется, история знает о случаях формирования синкретических религий, например, бахаизма; однако и Вера Бахай, несмотря на всю привлекательность ее толерантных основ, декларирующих преемственность всех крупнейших религий, особого распространения не получила. Аналогичное можно сказать и о религиозно-философских исканиях Л.Н. Толстого, который исходил из того, что истинная религия – одна, но она еще не открылась человечеству, хотя части ее проявляются в различных исповеданиях. Поэтому важно обеспечить соединение всех в этой одной истинной религии и во все большем и большем уяснении ее. Известно, что и толстовство особого распространения не получило.

Нам неведомо, каковым будет в мире сочетание религиозных компонентов духовной палитры в будущем, через ряд веков, но сейчас очевидно, что последователи любой традиционной религии вряд ли готовы отказаться от своих догматов, столпов, принципов.

¹¹ См.: НГ-Религии, 21 декабря 2005 г.

Сказанное не значит, что культуры, построенные на различных религиозных матрицах, не оказывают друг на друга позитивного, взаимообогащающего влияния. Сошлюсь в этой связи на подготовленную в нашем Центре книгу «Коран в русской поэзии». В ней наглядно раскрыто благотворное воздействие лирических мотивов Корана, его образов, сюжетов, – всей мусульманской культуры на творчество многих русских поэтов. Таким образом, речь здесь может идти не об интеграции как «всесмешении» культур и религий, а о сближении, сотрудничестве, взаимообогащении этнических и культурно-религиозных общностей в рамках единой российской цивилизации. И этот общецивилизационный российский уровень идентичности не отменяет этнических и религиозных идентичностей, а оберегает и защищает их.

Российский опыт лишь подчеркивает необходимость иных средств и путей, обеспечивающих максимально комфортное и уважительное сосуществование различных религий и культур. Иначе говоря, важно видеть различие между объективными процессами экономической и политической интеграции, углубления научно-технического, информационного сотрудничества между народами и странами и опасностями унификации, обезличивающей народы, ставящей под вопрос сохранение их «особости». Во все времена попытки нивелировать культурно-духовные и религиозные идентичности вызвали особое сопротивление их носителей. Уважительное отношение к чужим богам, разрешение верить по-своему даже побежденным народам были свойственны проницательным захватчикам с давних времен. Чингиз-хан, последующие монгольские правители проявляли не свойственную для того времени веротерпимость, которая вытекала из идеологии чингисизма как надконфессиональной доктрины. Все религиозные верования рассматривались как частные проявления веры в единого бога, носителем воли которого выступал Великий Хан. Поэтому одинаково уважались все религии и не проводились различия между ними.¹² Разумеется,

¹² См.: Логинов А.В. Власть и вера. М., 2005, С. 208-212.

со временем практика толерантного сосуществования различных религий и этносов при сохранении самобытности этноконфессиональных культур значительно углубилась. Ныне цивилизованный мир видит основное требование толерантной культуры в следующем: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений предполагает их лояльное, терпимое, не враждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других. Толерантность базируется на признании, уважении универсальных прав и свобод человека, она является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствия боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия.¹³ Именно такой подход может быть предпосылкой свободного самоопределения личности в иной этноконфессиональной среде и соответственно предпосылкой диалога, сотрудничества последователей различных религий, культурных традиций. Подобный подход открывает возможности и для позитивного взаимовлияния культур, их взаимообогащения.

Показательно, что именно такой подход разделяет большинство российских верующих разных религиозных направлений. Сошлемся в этой связи на некоторые результаты нашего мониторинга, в частности проведенного в 2004 году по целевой выборке исследования, посвященного особенностям идентичности представителей различных вероисповеданий и мировоззрений - православных, мусульман, католиков, протестантов, иудеев, буддистов, неверующих (N=1500).¹⁴

Исследование, к примеру, выявило, что сама по себе культурно-конфессиональная близость народов далеко не всегда является решающим фактором межнациональной толерантности. В ряде случаев большее значение приобретают принадлежность к коренным российским народам и

¹³ См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005, С. 364-365.

¹⁴ См.: Социс, 2005, № 1 и № 2.

длительность совместного проживания в пределах одного государства, а для представителей диаспор ближнего и дальнего зарубежья – местонахождение исторической родины и ее отношения с Россией, а также преимущественный род их занятий в России.

Вследствие этого значительный процент респондентов разных конфессиональных групп не воспринимает представителей единых с ними конфессионально-культурных общностей в качестве «своих», предпочитая исторически не единоверные с ними народы, но с которыми совместно живу, трудятся, проводят досуг и т.д. Так, у православных отношение к татарам и башкирам лучше, чем к единоверным грузинам и молдаванам, а респонденты буддийской группы воспринимают представителей восточно-азиатской (буддийско-конфуцианской) культуры – китайцев и вьетнамцев в качестве представителей иностранных торговых диаспор, но не как единоверцев.

Исследование также показало, что абсолютное большинство респондентов во всех группах выступает за толерантные принципы этноконфессиональных отношений, за сохранение равноправия народов России как исторически сложившегося условия существования Российского государства. А главные причины ухудшения отношения между народами и возникновения межнациональных конфликтов, по их мнению, кроются в социально-экономической и политической сферах. Собственно конфессионально-культурные факторы в данном случае играют хотя и важную, но все же периферийную роль. При этом большинство респондентов, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, нацелено на толерантные отношения с лицами иной национальности в сфере личностного общения, хотя в разных жизненных ситуациях они ведут себя различным образом. Если в случаях знакомства, выбора круга друзей и места жительства национальный фактор значительной роли, как правило, не играет, то в семейно-брачной сфере, тесно связанной с конфессионально-культурными традициями конкретных народов, респонденты проявляют гораздо больший консерватизм. Тем самым стремление к добрым

отношениям с людьми разных национальностей у них сочетается с желанием сохранить собственную конфессионально-культурную идентичность.

Итак, при исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни, будь то мирный или остро конфликтный период бытия народов, важно исходить из того, что в основе противостояний, столкновений, конфликтов лежат реальные социально-экономические и политические факторы. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих противостояний на происходящие процессы зависит от исторических условий, места и времени, особенностей социально-политического строя, демократических и культурных традиций данного общества, от уровня правового и нравственного развития его членов, широты кругозора его лидеров. Религия лишь дает дополнительный импульс, не будучи при этом первопричиной, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность. С. Хантингтон, П.Дж. Бьюкенен и др. справедливо подмечая эту мобилизующую роль религии в общественно-политических процессах, в межцивилизационных противоречиях, но при этом неоправданно конструируют религиозную идентичность в качестве доминирующей справедливости ради отметим, что в последней, выше упомянутой, книге Хантингтона выводы, как представляется, сделаны уже более объективные.

Из всего вышесказанного в данной главе и во введении, очевидно, что объективное изучение постоянных составляющих дискурса «религиозная идентичность-другая идентичность-общественная жизнь» предполагает соблюдение ряда неизменных условий.

Приоритетные среди них:

четкое представление зависимости потенциала проявления религиозной идентичности от реальных социально-политических факторов;

понимание того, что в свою очередь глубина и характер влияния религиозной идентичности на другие идентичности зависят от особенностей (региональных, этнических, конфессиональных, социальных, политических

и др.) различных групп населения;

важность широкого обеспечения культурно-образовательных, нравственных и политико-правовых возможностей свободного и осознанного самоопределения, без опасения любых форм притеснения из-за его позиционирования;

учет возможностей определенной эволюции самого содержания религиозной идентичности, влияющего на способ восприятия мира и самого себя в нем, учет процессов модернизации самих традиционных представлений.

В нынешнем веке глобализации и поликультурализма ощущается настоятельная потребность в понимании того, что избежать столкновения систем ценностей, ментальностей, религиозных идентичностей возможно лишь при налаживании многообразных взаимодействий, обеспечивающих взаимоуважительные отношения, при выработке ценностного согласия как условия мирного разрешения возникающих конфликтов, при совместном решительном отпоре представителей разных культур и политических акторов всевозможным расовым и националистическим предрассудкам.

Спокойное, толерантное сосуществование цивилизаций, сообществ с различными религиозными идентичностями, культурными кодами нуждается в интенсификации их диалога, отказе от разделения народов, их культур на развитые и отсталые, а религий на истинные и неистинные. Представляется, что самым худшим злом для человечества будет, если на смену с таким трудом преодоленным идеологическим противоборствам времен «холодной войны» придут конфликты между носителями разных религиозных, культурных и этнических идентичностей.

- нужны меры, способствующие формированию единого культурного пространства, наполнение конкретным содержанием идей партнерской цивилизации, содействие диалогу.

- непреложная истина – различие культур, этносов, языков, религий – является нормой человеческого общества.